

Шикур Шабает
Экзамен

Записки влюбленного выпускника

Шикур Шабает

Экзамен

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18152201
ISBN 9785447465995*

Аннотация

Герой книги – романтический молодой человек, только-только окончивший среднюю школу и столкнувшийся с первыми «взрослыми» проблемами – болезнью близкого человека, любовью к девушке, сложными отношениями с друзьями. Он мечтает стать художником, а вынужден идти на завод, зарабатывать на хлеб. Мечтает о чистых отношениях, а сталкивается с суровыми реалиями жизни.

Содержание

1	5
2	15
3	26
4	37
5	50
6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Экзамен

Записки влюбленного

выпускника

Шикур Шабаев

© Шикур Шабаев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я был молод, влюблен и мечтал стать писателем. Жизнь пошла другим путем, но первые литературные опыты оставили свои материальные следы – и они мне дороги, как память о прошедшей юности. В истории, которую сейчас хочется предложить, нет почти ничего придуманного. Что-то случилось со мной, что-то с моими друзьями, а что-то взято из жизни едва знакомых мне людей...

1

– Так вот, молодой человек, я не стану скрывать – положение вашей матери действительно тяжёлое. Предстоит очень сложная и опасная операция.

От этих слов Саше стадо вдруг тесно и жарко в кабинете главного врача областной больницы, от запаха лекарств закружилась голова. Дрожащими пальцами юноша пытался расстегнуть жёсткий ворот рубашки, но это никак ему не удавалось. Наконец, разозлившись, он рывком потянул за воротник; оторванная пуговица со стуком упала на пол, заставив парня вздрогнуть.

– Доктор, но как же так? – Саша с трудом проглотил тугой комок, застрявший в горле. – Совсем недавно я был у мамы, и она сказала мне, что ей намного лучше. А вы говорите...

Седой врач с сочувствием взглянул на него, понимающе покачал головой.

– Она щадила вас, жалела, не хотела лишний раз беспокоить, – объяснил он.

Доктор устало снял очки, отчего морщины, казалось, ещё глубже прорезали его лицо, встал с кресла и подошёл к Саше. Ему было жаль парнишку и понятно его горе. Мать Саши была очень тяжело больна, честно говоря, положение её почти катастрофическое. Но что делать, современная медицина может пока ещё далеко не всё!

Доктор подобрал с пола пуговицу, и протянул её Саше.

– Мужайтесь, молодой человек, – вздохнул он, но вдруг заметил испуганно взметнувшиеся глаза юноши и тут же поправился:

– Нет, то есть да, вашей матери действительно стало несколько лучше. Но для более полного обследования и излечения мы решали отправить больную в центр.

Саша низко опустил голову.

– Значит, маме на самом деле очень плохо, – тихо проговорил он, и такая тоска отразилась в его глазах, что доктор по-отечески обнял паренька за плечи, стал успокаивать:

– Ну, что ты, что ты? Ничего страшного в этом нет, всё обойдётся, и отчаиваться не стоит, просто на несколько месяцев вам придётся разлучиться с вашей матерью. Она поправит своё здоровье, подлечится, отдохнёт. Глазом не успеете моргнуть, как пролетит это время, – улыбнулся врач. – А завтра утром пусть ваш отец...

– У меня нет отца, – торопливо прервал его Саша,

– Понимаю... В таком случае заходите сами. Необходимо оформить документы.

– Хорошо. Спасибо. До свидания, – Саша повернулся к двери, но затем, быстро обернувшись, спросил:

– А сейчас... сейчас мне можно к маме?

Доктор на мгновение задумался.

– Пожалуй, можно. Но лишь на пять минут, – предупредил он. – И ещё вот что: говорите с матерью поменьше –

больной говорить вредно. Пока ещё.

Он приоткрыл дверь и пригласил дежурную медсестру. Она вошла и вопросительно взглянула на доктора.

– Выдайте молодому человеку халат и проводите к Одиновой в восьмую палату. Но только на пять минут, – ещё раз строго напомнил доктор.

Получив халат, Саша стрелой взлетел на второй этаж. Девушка-медсестра еле-еле успевала за ним. Очутившись перед белой знакомой дверью, он остановился, перевёл дыхание, а потом осторожно потянул за дверную ручку.

– Мама!

– Сынок! – голос матери был очень тихим, слабым, чуть слышным. И вся она так изменилась, что Саша с трудом узнал её. Кожа на лице сморщилась и пожелтела, глаза слезились, а волосы, её чёрные вьющиеся волосы, которые так нравились ему, потускнели, стали какими-то серыми, в беспорядке разметались по подушке.

У Саши мучительно сжалось сердце.

– Мама, мамочка!

Мать протянула к нему руки, обняла его и, заметив жалостливый взгляд сына, спросила:

– Страшная я стала, да, сынок?

– Ну, что ты, мама, – Саша нежно провёл ладонью по её руке – худенькой, тоненькой, почти детской.

А мать вглядывалась в него огромными слезящимися глазами:

– Похудел. Наверное, не ешь совсем? И пуговица оторвалась, – она ласково погладила сына по щеке, поправила воротничок рубашки.

– Ну что ты, – повторил Саша, – нормально питаюсь. А пуговица – вот она.

– Ты знаешь, меня отправляют...

Саша молча кивнул головой.

– Как же ты теперь? Что будешь делать без меня? Ты хотел поступать в институт, мечтал стать художником.

– Мама, – дрожащим голосом протянул Саша, – не думай об этом. Со мной всё будет хорошо. А пройдёт совсем немного времени, и мы снова будем вместе.

В дверь несмело заглянула девушка-медсестра.

– Пора, – шепнула она.

Саша судорожно сжал руку матери.

– До свидания, мама, – сказал он.

Мать молчала и широко раскрытыми глазами так смотрела на него, будто навсегда прощалась с ним, будто видела его в последний раз. Саша встал, подошёл к двери, оглянулся. Мать лежала маленькая, беспомощная.

– Мама! – Саша опять подбежал к ней, прижался щекой к её руке, стал целовать её пальцы.

– Мама, родная моя! – вновь и вновь повторял он.

Молоденькая медсестра стояла у двери, слёзы катились по её щекам.

Саша почти выбежал из палаты.

И хотя лицо его матери было влажно от слёз, на её губах замерла тихая, спокойная улыбка.

Со стуком, громко и резко закрылась больничная дверь и будто разделила весь мир надвое. Он – здесь, а мама – там...

В сквере было непривычно тихо. Ни единой души вокруг, всё словно замерло. Моросил мелкий осенний дождик. Дождя почти не было видно, чувствовалось лишь, как лицо становится мокрым, совсем как от слёз, да тихий, едва слышимый шелест раздавался над годовой. Казалось, деревья шепчут о чём-то, успокаивая и снимая боль и тревогу, лежащие на сердце.

Одинцов присел на мокрую скамейку, не замечая дождя, обхватил руками голову. Мама, милая мама! Саша редко говорил матеря ласковые и нежные слова, он считал это неудобным, да и ненужным в его возрасте – что он, в самом деле, маленький что ли? И вот только теперь, когда она удалялась от него, он понял, как дорога ему мать и как он её горячо любит. Мама, милая моя! – думал Саша. – О, если бы я мог снять твою боль, облегчить твои страдания! Если бы от моей горячей сыновней любви тебе стало хоть немного легче!

...Они жили вдвоём – мать и сын. И никогда раньше Саша не задумывался над тем, любит ли он её – конечно же, любит! – разве может быть иначе, разве может сын не любить свою мать?!

Они жили вдвоём, маленькой, но очень дружной семьёй. И никогда мать не ругала, не кричала на сына. Но если он напроказит, «схватит» в школе «двойку» или зальёт красками стол, достаточно было одного её укоризненного взгляда, чтобы ему становилось нестерпимо стыдно.

Они жили вдвоём. Но не всегда это было так. Когда-то, давным-давно, когда он был ещё маленький и пешком ходил под стол, их было трое. Детские воспоминания часто возвращали Сашу в то счастливое время, как кто-то большой, сильный, брал его на руки, подкидывая к самому потолку, щеко-тал колючими усами, говорил ему на ухо что-то очень смешное, отчего он хохотал во всё горло.

Но как-то раз, закрывшись в комнате, родители долго говорили о чём-то; сквозь прикрытую дверь глухо доносились сердитые голоса. Когда Саша вошёл туда, он увидел заплаканное лицо матери, непривычно хмурого отца с морщинами на лбу. Отец каким-то плачущим голосом крикнул Саше: – Иди погуляй!

И Саша выбежал из комнаты. Он понял, что случилось что-то невероятно ужасное и неисправимое.

После этого разговора отец торопливо собрал небольшой чемодан, виновато поцеловал сына, потрепал ему вихор на прощание и ушёл из дома, как думал потом Саша, навсегда.

Прошло несколько лет. Мать не вспоминала вслух об отце, но в ответ на вопросы сына говорила о нём только хоро-

шее.

– Где же наш папа? – настаивал Саша, – когда он придет?

Мать судорожно обнимала Сашу, нервно смеялась, стараясь развеселить его и перевести разговор на что-нибудь другое, но встретив недоуменный взгляд недетских серьезных глаз сына, невнятно бормотала:

– Он придет... потом... Он в командировке... далеко...

– Он бросил нас? – прерывал её сын, не слушая сбивчивые возражения матери, упрямо повторяя:

– Бросил... бросил!

Каким-то непостижимым образом и независимо от самого Саши, в его голове уживались одновременно сразу два образа – доброго, сильного, весёлого папы из детства и того человека, который оставил его с матерью. И если о первом Саша вспоминал с любовью, то второго он почти ненавидел, хотя и делал вид, что совершенно к нему равнодушен.

Шло время. И вдруг однажды один из друзей Саши, его одноклассник Толя Говоров сообщил ему такую новость, которая потрясла его – мать стала... вновь встречаться с отцом.

Этого Саша никогда не мог понять. И не хотел понимать. И из-за этого он в единственный раз поссорился с матерью.

...В этот вечер они сидели у телевизора и смотрели новый выпуск мультфильмов. Он сидел в кресле, а она в углу занималась шитьём – хотела немного подзаработать и сделать сыну подарок – он давно догадался об этом – мать не раз делал ему такие неожиданные подарки.

– Сашенька, – вдруг произнесла она.

– Что, мама? – отозвался Саша, не отрывая взгляда от телевизора.

Она подошла к сыну, обняла, поцеловала в щёку и пытли-во посмотрела ему в глаза.

– Ну, мама, не надо, – смутился Саша, а мать провела ру-кой по его непослушным волосам и внезапно спросила:

– Сашенька, а может, мы опять будем жить вместе?

Саша непонимающе посмотрел на неё, а она, запинаясь, добавила:

– Ну, вместе – втроём.

Саше сразу стало всё понятно. Вот она про что!

Он быстро вскочил с кресла, продолжая смотреть на неё, чуть ли не закричал:

– Ты... Он... он бросил нас. Он бросил тебя, а ты... у те-бя нет ни минуты свободного времени, ты работаешь даже по ночам. Думаешь, я ничего не знаю? А он... он кинул тебя. Эх ты! – Саша бросал в лицо матери горькие обидные слова.

– Постой! – попыталась она остановить его. – Он хороший человек, я тебе всё объясню... Он твой отец! – наконец, при-вела она свой последний аргумент.

– Отец! – вскипел Саша, – какой он мне отец. Он...

И зло махнув рукой, Саша кинулся в свою комнату. Неужели она ничего не понимает, ничего не помнит, неужели она всё забыла?! – думал он. – И почему сейчас она так смотрит на меня – как бы жалея, будто я совсем маленький

и чего-то не понимаю?

Саша вновь и вновь вспоминал ТОТ день, видел перед собой заплаканное лицо матери – и возмущение новой волной поднималось в нём. И напрасно мать стучалась в дверь его комнаты, питалась что-то объяснить ему, он не слушал, перед глазами было её заплаканное лицо.

При слове «отец» Саша всегда вспоминал весёлого и большого человека о колючими усами, и это представление никак не связывалось с портретом того невысокого мужчины с начинающей седеющей головой, которого он увидел однажды рядом с мамой около дома и которого он узнал только потому, что Толя Говоров как-то странно улыбнулся и кивнул:

– Смотри-ка, твой родитель!

Вспомнив об этом, Саша с огорчением отшвырнул пуговицу, которую всё ещё продолжал сжимать в кулаке.

Он встал со скамейки и даже вздрогнул, вдруг увидев ЕГО. Отец шёл по больничному скверу с непокрытой головой, рыжие усы его обмокли и обвисли.

«Наверное, идёт к маме»? – почему-то без досады подумал Саша.

Встретаться с отцом ему не хотелось, и он подумал, как быть – сделать вид, что не заметил его?

Но отец уже увидел сына и, замедлив шаг, подошёл к нему.

– Здравствуй, Саша, – сказал он, улыбнувшись, и неловко протянул руку.

Саша молча обошёл застывшую фигуру отца и быстро за-

шагал к выходу из сквера.

– Саша! – умоляюще повторил отец.

У Саши что-то жалостливое шевельнулось в душе, но он переборол себя и зашагал ещё быстрее. Только бы не повернуться, только бы выдержать!

– Сынок!

Так называла его только мама. Саша побежал и обернулся лишь у самых больничных ворот. Отец стоял и, не двигаясь, смотрел ему вслед.

А дождь всё шёл и шёл...

Казалось, что квартира совсем опустела без матери. Саша тоскливо оглядел комнату. Стол сдвинут в сторону, в беспорядке разбросаны книги, альбомы, и всюду: на шкафу, серванте, тумбочке, даже на телевизоре и стульях – разноцветные тюбики с красками. В углу комнаты напротив окна – небольшой мольберт. Одного быстрого взгляда достаточно, чтобы понять, что к нему давно никто не притрагивался.

Иногда Саша подходил к мольберту, брал в руки кисть, бесцельно сжимал её тонкими, но сильными пальцами и опять, вздохнув, клал на место.

Что же делать, как быть? Раньше, в школе, всё было просто и ясно. Вот, думал он, закончу десятый класс, сдам экзамены и поступлю в институт или художественное училище, буду настоящим художником.

Но чем больше близился выпускной вечер, тем больше становилось сомнений. А вдруг профессия художника не для меня? – размышлял он. – Нет способностей, нет особого таланта, а все эти победы на городских и школьных конкурсах – не более как случайные удачи? Как найти эту невидимую грань между настоящим, истинным искусством, талантом и просто умением, ремесленничеством? Саша мучился, думая об этом и задавая себе такие вопросы. «Вдруг, у меня нет этого «божьего дара»? Что тогда? Писать простенькие

«картинки», малевать вывески для магазинов? Ну нет! – Сашу даже передгивало от этой мысли.

Так что же делать? Куда поступать учиться? Теперь, после того, как маму отправили лечиться в центр, этот вопрос уже не терзает его, – он невесело улыбнулся. Надо идти работать. Куда? Да хоть куда, разве сейчас это имеет какое-нибудь значение? Лишь бы платили деньги, сказал бы так Говоров, будь он здесь.

Саша подошёл к окну. Пустынно, во дворе никого нет. Уже целую неделю идут дожди. Прошёл бы хоть раз настоящий проливной дождь, а то моросит и моросит – и день и ночь напролёт. Низкие серые тучи едва не задевают за крыши домов.

– Ну что же, жизнь продолжается, – сказал Саша сам себе и улыбнулся. – Надо приступить к генеральной уборке.

Он настежь открыл окна, и свежий прохладный воздух наполнил комнату, лёгкий ветерок зашевелил занавески, смахнул на пол листки бумаги, оживил всё вокруг, наполнил звуками.

Вдруг стукнула дверь, в прихожей раздался шум шагов.

– Это то, Боря? – крикнул Саша, протирая этажерку с книгами, Борис Головин, его бывший одноклассник, обещал зайти к нему на днях, позвонив недавно по телефону.

– Нет, это я, – перед Сашей стоял Толя Говоров и как всегда широко улыбался. – Ты опять не закрыл дверь. Сколько раз говорил я тебе: не забывай запираяться. Дождёшься –

ограбят тебя, – пожурил он друга.

– Здравствуй, – холодно встретил его Саша, – когда-нибудь ты бываешь серьёзным?

– Нет, наверное, – искренне ответил Толя и рассмеялся, – а что?

Он подошёл к Саше, стал горячо трясти ему руку, обнимать, похлопывать по спине. Саша сдержанно пожал его ладонь.

– Сашка! – воскликнул Толя. – У меня столько новостей! – целая куча. Бросай тряпку, потом закончишь свою уборку,

– У тебя всегда новостей куча, – пробурчал Саша, но тряпку отложил.

– Садись, – хмуро предложил он, – чаю будешь?

– Наливай, – согласился Толя, – кофе уже надоел мне.

И взяхлёб продолжил:

– Представляешь, сию я вчера дома. Делать нечего. Магнитола включил – достал новые записи, маечку примеряю – вот эту. Чёткая вещь, не правда ли? Не наша – «маде ин заграница». Заходит матуха, и вместе с журналами – письмо. От кого бы ты думал?

Саша иронически пожал плечами.

– От Ирки из Таёжного! – торжествующе воскликнул Толя. – Помнишь, я тебе о ней рассказывал? Она приезжала к своей бабуле на каникулы.

– Ну, помню, помню.

– У, ты её не знаешь, оттого так и говоришь. Красивая, умная, в школе отличницей была.

– О! Раз отличница, то, конечно, молчу, – рассмеялся Саша.

Это была одна из странностей Говорова – познакомившись с девушкой, он в первую очередь пытается узнать, как она учится или училась в школе. Ему почему-то льстило, когда девчонка, с которой он ходил, была отличницей. Может быть, потому что сам он не любил засиживаться за учебниками?

– Мучаешь ты девчат, – как-то сказал ему Саша. – Вот погоди, влюбишься сам когда-нибудь – отольются тебе их слёзки.

– Что делать? – смиренно улыбался Толя, – любят меня девушки, ох как любят!

– Как не любить такого кудрявого, голубоглазого, – смеялся Саша, а сам потом долго мучился тем, что поддакивал Толе, хотя в душе он осуждал друга за эти минутные знакомства, мимолётные связи. Осуждал, но поддакивал: «кудрявого», «голубоглазого» и мучился этим. Вот и теперь Саша поймал себя на том, что хочет ответить Толе комплиментом.

– Что смеёшься? – опросил Толя и, не дождавшись ответа, продолжил:

– Я, помню, тогда с Верой ходил, так про Веру я и думать забыл, когда встретил Ирку. Только слишком уж она недо трога – лишь раз удалось поцеловать Ирку – когда провожал

её, на вокзале. И то здорово рассердилась. Одним словом – недотрога.

Саша так и покатился со смеху.

– Только раз? Что-то на тебя не похоже.

– Только раз, – простодушно кивнул Толя, но заметив на смешливый взгляд, Саши, обиделся:

– Ладно, кончай подкалывать.

Саша подвинул Толе чашку.

– Не обижайся, шучу. Выпей лучше чаю.

Толя отхлебнул глоток, затем подвинул стул к Саше, обнял друга за плечо.

– Слушай, у меня к тебе есть дело. Я хочу ответить Ирке, нужно написать письмо покрасивее. Поможешь, а? – протянул он. – У тебя хорошо получается.

А когда Саша согласно махнул рукой – мол, помогу, Толя вскочил и восторженно хлопнул его по спине.

– Вот спасибо! Ты настоящий друг.

И только теперь он заметил, как непривычно невесел его товарищ.

– Санёк, ты что сегодня такой хмурый?

Саша отодвинул чашку, посмотрел на Толю, моргнул, будто что-то попало ему в глаз.

– Вчера маму отправили в Москву. И, видимо, надолго.

Толя помолчал, потом тихо произнёс:

– Ничего не поделаешь. Выздоровеет твоя мать, и выпишут её из больницы. А сам что сейчас собираешься делать?

Когда экзамены?

Саша глубоко вздохнул.

– Какие экзамены? Теперь вот думаю, куда идти.

– Ха! – воскликнул Толя и удивлённо покачал головой, – у человека в аттестате одни пятерки, а он не знает, куда идти! Ты же хотел отдавать документы в институт, – вспомнил он.

– Хотел, – проговорил Саша.

– Так в чём же дело?

– Экзаменов не будет.

– Почему? – удивился Говоров.

– Ну как бы тебе объяснить? На сорок рублей разве проживёшь? – наконец, нашёлся Одинцов, отыскав слова, понятные собеседнику.

– Это точно, со стипендии не разбогатеешь, – сразу же согласился Толя. – Рассуди сам. Я джинсы эти покупал, так пятнадцать червонцев выложил как миленький. Еле-еле выклянчил у отца. Зато и джинсы что надо – блеск!

Он встал, прошёлся по комнате, оглядываясь на себя, и остановился перед зеркалом.

– Фирма! Американцы умеют шить, – довольная улыбка отразилась на его лице.

Саша безучастно смотрел, как Толя крутится у зеркала, любовно поглаживает рукой по джинсам.

– Хороши! – с иронией произнёс он.

Толя спохватился и, быстро повернувшись к приятелю, спросил:

– Куда же ты теперь?

Саша неопределенно пожал плечами.

– Не знаю, куда-нибудь.

– Слушай, – а махнули ко мне в училище! – загорелся Толя. – С такими оценками тебя там с руками оторвут. Стипендию – восемьдесят пять рублей – получать будешь, да ещё тридцать три процента на практике. А филонить будем вместе, ха-ха!

Видя, что Саша не решается, молчит, Толя не стал его уговаривать, предложил другом вариант:

– Можно, как Борька Головин, поработать автослесарем. Тоже – ничего работёнка. Боря, как ушёл после восьмого класса, так всё и вкалывает на одном месте – на станции техобслуживания. Прилично получает – сто семьдесят. А сколько чаевых за месяц накапает? Подъедет частник, торопится, всё норовит свои «Жигули» без очереди протолкнуть. Вот тут-то его и хватить за жабры. Ну, оплата согласно тарифу: во-первых, за срочный ремонт, во-вторых, за ремонт машины вне очереди, в-третьих, за качество... – перечислял Толя, загибая пальцы.

– Откуда ты всё это знаешь? – Саша удивлённо вскинул брови.

– Знакомства полезные надо иметь, связи, – ухмыльнулся Толя и добавил:

– А я старательный, учусь помаленьку. Хочешь секрет?

– Давай.

– Представь: подъезжает к тебе частник и говорит, что на его «Жигулях» или «Москвиче» немного барахлит мотор. Что ты делаешь? правильно, открываешь капот и начинаешь копать в моторе. Чуть-чуть, для вида...

Одинцов с интересом наблюдал за Толей – Говоров оживился и с увлечением рассказывал свою историю, ожесточённо размахивая руками:

– И тут ты делаешь трагическое лицо, начинаешь охать и ахать: «Как только вы не разбились? Боже, как вам повезло! столько поломок!» Дачник бледнеет и начинает благодарить бога за спасение. А ты уверенно успокаиваешь его: «Всё будет в порядке!» – и в рекордное время, самое большее, за два часа, устраняешь пятиминутную неполадку.

Правда, тут есть свои тонкости, может случиться так, что водитель окажется профессионалом. Но по теории вероятности...

– Но это же нечестно! – оборвал Говорова Саша. – Так нельзя делать.

– Почему? – искренне изумился Толя. – Какой ты наивный, Санек. Как ребёнок. У частника денег много, не обеднеет. Да и сам он считает тебя своим ангелом-спасителем. И ему хорошо, и тебе хорошо.

– Саша замотал головой.

– Нет, это мне не годится.

– Как хочешь, – развёл руками Толя. – Лично мне такая работа очень нравится. Я бы пошёл работать на автостан-

цию, школьные удостоверения о разряде у нас есть, но весной мне всё равно в армию. Хочется отдохнуть, ничего не делать. Пусть уж лучше за меня Борька поработает! Да только дурачок он – вкалывает за здорово живёшь, за спасибо. А на «спасибо» много не купишь, далеко не уедешь. Я ему сказал как-то про это, а он, чудак, рассердился, не понял, наверное.

Говоров рассмеялся.

– Непрактичный человек наш Борька.

Одинцов задумался.

– Как он там? – поинтересовался он, – я почти месяц не выходил из больницы, даже лекарствами пропах, и никак не мог встретиться с ним. Чем он занимается, не выпивает больше?

– Пьёт, – улыбнулся Толя.

– Ну а ты что же? – укоризненно взглянул Саша на друга, – ничего не мог сказать?

– А что я? – лениво оправдывался Толя, позёвывая и усаживаясь в кресло. – Ты же знаешь, какие у нас отношения – «отойди – не тронь». Он меня и слушать не хочет. Был я у него недавно. Говорит, надоело слесарить. На такой-то работе с начальством ссорится. И Танька, с которой он ходил, ушла от него. А может, и, сам поцапался с ней, кто их разберёт? В-общем, полный разлад, страдает парень, – хохотнул Толя.

– Да-а, – огорчённо протянул Саша. Головин – его лучший

друг, и вышло так неловко, что он не смог зайти к Боре, поговорить с ним. А теперь плюс ко всему Боря начал регулярно выпивать. Право, неловко.

– Толя, – тихо оказал Одинцов, – увидишь Бориса, передай, что я на следующей неделе зайду к нему. А будет время, пусть сам заглянет ко мне. Скажи, что сержусь на него, пусть перестанет баловаться вином.

– Ладно, – буркнул Толя. – Мне-то что, я передам. А как же ты сам, куда всё-таки надумал поступать?

– Не всё ли равно? – ещё больше помрачнел Саша. – Куда-нибудь на завод. Сначала учеником, а потом видно будет.

Устраиваться на работу он планировал на следующий день, а сегодня не хотелось даже думать об этом, не то что говорить. И так уж на душе кошки скребут.

– Саня! – вдруг закричал Толя, вскочив с кресла, – нашёл, вспомнил!

Его лицо так и озарило улыбкой:

– Как я мог забыть? У меня же сосед – Леонид Петрович, дядя Лёня – на автомобильном работает мастером. Он тебе поможет найти работу. Попросим, и он отыщет такую работёнку... – Толя даже прищёлкнул языком, – и не пыльную, и получать будешь прилично.

Саша пытался было что-то возразить, но Толя решил взять устройство друга на работу в свои руки.

– Завтра вечером пойдём к дяде Лёне, – сказал он решительным тоном, – возьмём ему бутылочку белого для прили-

чия, и считай, что дело твоё в шляпе.

Проходная. Саша невольно замедлил шаг. Ему вдруг показалось, что пожилой вахтёр, окинув его грозным взглядом, сейчас остановит перед ним вертушку и не пропустит на территорию завода.

– Иди, иди, – ободряюще подтолкнул паренька Леонид Петрович.

Саша неуверенно протянул свой новенький пропуск, ещё пахнувший типографской краской, в жёсткой блестящей обложке; строгий вахтёр неожиданно улыбнулся, и проходная осталась позади.

– Это наш завод! – произнёс Леонид Петрович, поведя рукой на открывшуюся им картину, и Саша почувствовал гордость в голосе мастера.

Вот он, завод! Всё, что видел здесь Саша, поражало его воображение: большие размеры и расстояния, огромные корпуса, причудливое переплетение трубопроводов. Саша шагнул рядом с Леонидом Петровичем и с любопытством оглядывался по сторонам. Мастер показал ему едва ли не весь завод, провёл по цехам, а в завершение всего они прошли даже вдоль главного конвейера, на котором собирались автомобили – те, которые Саша видел каждый день на улицах родного города.

Пронзительный визг станков, оглушительный грохот

прессов, треск электросварки сливались в единую симфонию, в чёткий рабочий ритм завода. Лица рабочих, молодые и старые, весёлые и сосредоточенные, выделялись какой-то особой красотой, одухотворенностью. «Вот чьи портреты надо писать художникам», – восторженно думал Саша. Ему казалось, что на его глазах совершается что-то величественное, грандиозное.

С самого утра Одинцова не докидало чувство, будто он не по своей воле поступает сюда работать, что только необходимость заставила его прийти за завод, но с каждым шагом это чувство забывалось, исчезало, а когда мастер провёл Сашу по заводскому двору с десятками, сотнями машин, готовых к отправке, блестящих яркими красками, юноша почувствовал, что в его душе не осталось ничего, кроме восхищения.

Леонид Петрович ничего не объяснял, шёл молча и только иногда смотрел на паренька. Когда-то и он сам, такой же юный, наивный, впервые пришёл на завод, который стал теперь его домом, его жизнью.

Саша был очень благодарен мастеру за то, что он не вспоминает больше ту дурацкую историю с бутылкой водки, затеянную Толиком.

Леонид Петрович ужасно рассердился на них за эту затею. – Стыдно, молодые люди, начинать свою жизнь с этого. Что же вы думали, что я без вашей бутылки не помогу вам, а? Стыдно!

Говоров принялся было что-то объяснять дяде Лёне, а Саша прямо-таки не знал, куда себя девать. Он чувствовал, как всё лицо и уши становятся пунцовыми от стыда.

Наверное, Леонид Петрович заметил это, потому что сразу же сменил свой тон и добродушно спросил у Одинцова:

– А почему ты решил работать у нас на заводе?

Саша взглянул на мускулистые руки Леонида Петровича, ладони с твёрдыми буграми мозолей и произнёс слова, которые удивили не только Толю, но и ещё больше его самого:

– Хочу быть настоящим рабочим!

Вспомнив об этом, Саша улыбнулся про себя: «Теперь я рабочий, теперь я рабочий класс!» Как гордо звучат эти слова: рабочий, рабочий класс, пролетариат. Сколько в них уверенности, силы!

...По аллее с маленькими серебристыми ёлочками Леонид Петрович провёл Одинцова к небольшому кирпичному цеху.

– Вот здесь мы и будем работать, – произнес мастер, пытаясь взглянув на паренька.

Саша был несколько разочарован. Они прошли через огромные корпуса из стекла и стали, светлые, залитые солнечным светом – и вдруг такое маленькое старенькое здание.

Мастер, увидев смущение паренька, улыбнулся:

– Ты не думай, что раз наш цех небольшой, то значит и незначительный. Без нашей продукции не пойдёт ни одна машина.

В цехе было непривычно тихо, замерли станки, и только разноцветные пылинки, мерцающие в лучах солнца, светившего сквозь потемневшие стёкла окон, говорили о том, что здесь недавно работали люди.

На недоуменный взгляд Саши Леонид Петрович ответил.
– Обеденный перерыв.

Рабочих не было, и лишь уборщица – невысокая пожилая женщина в туго повязанном платке подметала в проходе между двумя рядами станков – убирала металлическую стружку. Она почтительно поздоровалась с Леонидом Петровичем.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна, – ответил ей мастер.

Он провёл Сашу через цех и остановился у двери, из-за которой раздавался шум голосов.

– В этой комнате отдыхают наши рабочие, – объяснил мастер.

Леонид Петрович одёрнул пиджак, поправил галстук и легонько достучался в дверь.

– Подожди меня тут, – шепнул он, входя в комнату.

Саша присел на красный пожарный ящик с песком и принялся осматривать цех, в котором ему придётся работать. Каких только станков здесь не было – и огромные, выше человеческого роста, и такие маленькие, что казались игрушечными. Были и знакомые – сверлильные, шлифовальные; такие же станки, только поменьше размерами, были в школьной мастерской.

Цех на самом деле казался очень небольшим – если в других корпусах высоко, у самых перекрытий, ходили громадные краны с кабинами для крановщиц, то здесь такие краны попросту не поместились бы, поэтому тут были лишь подвесные – маленькие тележки с крючками и кабелем-пультом.

По своей давней привычке Саша осматривал цех и уже обдумывал, какие рисунки он сделает потом, отмечал удачное освещение, игру тени и света.

...Из-за двери комната отдыха слышались громкие возбужденные голоса, и Саша невольно прислушался.

– Иван Максимович, – раздался голос Леонида Петровича. Мастер кого-то уговаривал, – возьмите ученика. Мешать он вам не будет – парень толковый, десять классов закончил. Да и надбавка к зарплате вам не помешает.

– Вот именно поэтому и не возьму, – съязвил чей-то сухой скрипучий голос. – Десять классов закончил! В институт-университет не поступил, провалился на экзаменах – куда деваться? На завод, на полгода. А потом – фьють, только его и видели.

Раздался дружный смех. Саша понял, что речь идёт о нём и нахмурился. Мастер попытался что-то сказать, но скрипучий голос вновь громко возразил:

– Нет, нет, и не уговаривай, Леонид. Летуна не возьму.

Саша почувствовал, как хорошее настроение вдруг исчезает и сменяется раздражением. «Зря не согласился работать контролёром, предлагал же Леонид Петрович, – с горечью

подумал он. – И работа чистая и платят много».

Саша уже ругал себя за своё решение стать токарем. «Хочу быть настоящим рабочим» – вспомнил он свои слова и горько усмехнулся.

Но тут открылась дверь, стали выходить рабочие и медленно, степенно расходиться по своим местам. Прошёл и высокий хмурый старик с седыми торчащими усами. Его маленькие глаза, казалось, насквозь пронзили Сашу, когда он встретился с ним взглядом. «Наверное, это и есть тот Иван Максимович, – неприязненно подумал Саша, вспомнив сухой скрипучий голос.

Леонид Петрович вышел не один, он оживлённо беседовал с лохматым парнем в чёрной спецовке, ловко и плотно облегающей сильное тело: широкую грудь и плечи. Парню было лет двадцать пять – двадцать шесть, но он держался уверенно, спокойно, на равных разговаривал с мастером. Странно – Саше казалось, что парень в спецовке знаком ему, что он встречал его где-то раньше. Только вот где?

И вдруг он вспомнил, что видел его на плакате у проходной завода. Да, именно таким и должен быть настоящий рабочий.

– Он будет твоим наставником, – сказал Саше Леонид Петрович, – и обучит тебя токарному делу.

Мастер ободряюще похлопал Сашу по плечу и ушёл.

Парень широко улыбнулся, отчего у его глаз образовались маленькие лучики-морщинки, и как-то сразу Саша почув-

ствовал в нему доверие и даже близость.

– Познакомимся, – протянул парень руку, и Саша с удовольствием пожал твёрдую мозолистую ладонь.

– Александр, – торопливо оказал он.

– Ну. а меня – Сергей.

Саша смотрел на этого широкоплечего парня и чувствовал себя рядом с ним совсем мальчишкой. Сергей не намного старше его, а уже настоящий рабочий, самостоятельный человек, а он, он – всего лишь вчерашний школьник.

Они шли по широкому проходу между рядами станков. Перерыв тем временем закончился, вновь загудели моторы, загрохотал пресс.

Саше было приятно, что его видят с Сергеем, его рабочим наставником. Он шагал рядом с ним, его шаг становился твёрже и увереннее, а волнение пропадало.

Сергей шёл неторопливо, иногда поворачиваясь и озорно подмигивая Саше. Похоже, Сергея знали все, рабочие – такие же молодые парни – что-то кричали ему, шутили:

– Что, Серёга, академиком стал?

Новоиспеченный наставник довольно улыбался.

– Петрович говорит, ты к нам после десятого класса, – вопросительно взглянул он на Одинцова.

– Да, в этом году я окончил школу, – поспешно ответил Саша.

– В институт не поступил, – понятиливо кивнул Сергей. Он пригладил рукой свою шевелюру и с сочувствием посмотрел

на паренька:

– Ничего, на следующий год обязательно поступишь. Проволяешься у нас с подгодика, наберёшь стаж и...

Но Саша, торопливо замотал головой:

– Нет, я вообще не поступал в институт, даже и документы не сдавал.

Он так горячо произнёс эти слова, что Сергей рассмеялся:

– Хорошо, хорошо. Раз не поступал, значит, не поступал.

Саша нахмурился, ему показалось, что Сергей ему не поверил, считает за неудачника. Они замолчали.

Но вот Сергея остановился у самого крайнего станка в углу цеха, это место было отгорожено от посторонних взглядов большим железным шкафом.

– Это наш станок, – сказал Сергей, и Сашу обрадовало, как он сказал это: «Наш станок».

Одинцов с любопытством взглянул на эту большую и, видимо, очень умную машину. Все её части матово блестели, чувствовалась рука настоящего хозяина. На полу возле станка желтела новенькая деревянная решётка, рядом высилась аккуратно сложенная стопка заготовок.

Хорошо, что станок находится в самом углу и отгорожен от остального цеха, отметил Саша. Народу здесь меньше, никто из посторонних сюда не заходит, некому будет глазеть за мной. Саша всегда сердился, когда за его работой кто-нибудь наблюдал.

Сергей весело подмигнул ему – не робей, мол, включил

станок, быстро и ловко закрепил заготовку, повернул какие-то рычаги, и заготовка стремительно завертелась, образуя светлый, блестящий круг.

Как зачарованный, Саша смотрел за действиями своего наставника. Глаза его восхищённо блеснули, он весь устремился вперёд и боялся даже двинуться с места.

Сергей оглянулся на него, усмехнулся свысока и остановил станок.

– Иди сюда, – подозвал он его. – Чего рот-то раскрыл? А то смотри – каркнет кто-нибудь с потолка. Слушай и запоминай, учись, пока я живой.

Он провёл рукой по заготовке.

– Чтобы получить деталь нужной формы с требуемыми размерами, мы подвергаем эту заготовку обработке резанием, удаляя при этом лишние слои металла. Это – токарно-винторезный станок один «К» 62.

Сергей взял кусок проволоки и стал проводить по частям станка:

– Вот, смотри. Основание называется станиной, это – салазки, продольные и поперечные. В чугунной коробке передней бабки находится самое главное – коробка скоростей и шпиндель, это суппорт, а это гитара сменных колёс. Вот, пожалуй, и все вкратце. Понятно?

Саша стоял и молча улыбался. На него сразу обрушилось столько новых названий, незнакомых, загадочных, что он даже растерялся.

– Что смеёшься? – усмехнулся Сергей, – непонятно что-нибудь?

– Да нет, просто названия какие-то странные, забавные: салазки, бабки, гитара.

– Ничего, привыкнешь. Будешь станок как своп пять пальцев знать. Если меня будешь слушаться, сможешь работать хоть с закрытыми глазами.

Саша мечтательно вздохнул. Когда это ещё будет?

Их окликнул парень из-за соседнего станка. Он подошёл, кивнул Одинцову, за руку поздоровался с Сергеем и присел на кучу заготовок.

– Здорово. Академию открываете?

– Привет, Рыжий! – пренебрежительно ответил Сергей. – А ты всё волынку тянешь? Не надоело?

Парень нисколько не обиделся, только рассмеялся и, плюнув на кучу заготовок, отошёл от станка. Он на самом деле был рыжим, совсем рыжим, с головы до ног, длинные кудрявые волосы горели ярким пламенем, жёлтые глаза и лицо, усыпанное веснушками, казались тоже рыжими.

Отвернувшись от назойливого соседа, Сергей похлопал Сашу по плечу, доверительно сказал:

– Учись, большим человеком будешь. Получишь седьмой разряд – станешь зашибать большие деньги.

– Седьмой разряд? – как о чём-то несбыточном опросил Саша, – а разве такой бывает? Я слышал, что шестой разряд у токарей самый высокий.

– Бывает. Для некоторых, – насмешливо произнёс Сергей и рассмеялся.

Одинцов уважительно взглянул на своего наставника.

– А у тебя какой разряд?

Сергей замялся, покосился на стоящего неподалёку от них Рыжего.

– Четвёртый, – наконец, медленно проговорил он, но потом

быстро добавил:

– Ты не думай, это у нас цех такой. Вспомогательный. Здесь на шестой разряд не сдашь. Даже у Петровича, у мастера, и то только пятый. А Иван Максимович, хоть и профессионал в этом деле, но и он часто ко мне обращается, просит, сделай, говорит, Серёга.

– Да-а, – озабоченно вздохнул Саша, – куда уж мне!

Сергей успокоил его:

– Пройдет три месяца, и ты сдашь на разряд – получишь свой второй для начала. А пока твоя обязанность – после работы вот этой щёткой очистить станок, крючком выкинуть стружку. Можешь сгрести стружку в проход, дальше её тетя Катя уберет. А на разряд... Не волнуйся, на разряд ты сдашь. Это уж моя забота. И тогда бутылка с тебя. Идёт?

– Идёт! – кивнул повеселевший Саша своему наставнику.

Начинался первый рабочий день Одинцова.

Саша вновь и вновь подходил к мольберту, делал несколько торопливых мазков, быстро отходил от холста и долго пристально вглядывался в свою картину. Ничего не получалось. Саша в изнеможении опускал кисть. Что делать? Опять ничего не получается. Он смотрел на мольберт взглядом, полным одновременно и любви, и ненависти.

Временами он готов был разорвать холст, в отчаянии ломал руки. Всё было тщетно – работа не шла. В картине не хватало движения, она казалась застывшей, неживой.

Шёл день за днём – ничего не получалось, сегодняшний день не был исключением.

Вздыхнув, Саша уныло свернул холст и отложил в сторону – до поры до времени. У него в кладовой уже накопилось много таких незавершённых работ. Саша писал их, откладывал и вновь возвращался к ним, но ничего не получалось, и он начинал отчаиваться.

...На смену дождям пришла тёплая солнечная погода, осень на несколько дней будто бы замедлила свой шаг и стала настоящей «золотой осенью». Она подпалила верхушки деревьев, и они горела ярким пламенем, роняя оранжевые, красные, жёлтые искорки-листочки.

Вечерами после работы Саша брал альбом и карандаши и отправлялся в соседний парк. Огромный старинный

парк зарос и опустел. Саша любил сидеть на крутом берегу небольшого озера, здесь никто не нарушал его уединения, не мешал его размышлениям – а в голову приходили странные мысли о Вселенной, о смысле жизни, о будущем.

Карандаш, казалось, сам бежал по бумаге, наброски получались удивительно чистые, светлые. Саша садился в густую траву и подолгу смотрел на закаты. «Наверное, ни один художник не сможет передать всю эту палитру? – думал он, глядя на полыхающий горизонт.

В прозрачной воде весело резвились мальки, иногда рыбёшки выскакивали из воды, серебристо блеснув чешуёй, и почти бесшумно шлёпались обратно. В бездонной синеве озера долго-долго причудливо изгибались волны.

Чувствовалось приближение зимы. Листья старых берёз, наклонившихся над тихой водой озера, уже пожелтела, и когда ветер ласково трогал вершины деревьев, листья медленно кружили в воздухе, падали в воду и замирали, почему-то оставляя в душе печальный след.

Часто Саше казалось, что пройдёт ещё немного времени, и он узнает тайну, поймёт, как надо писать, чтобы картины жили, именно жили, чтобы чувствовался и этот ветер, шепчущий о чём-то неведомом и прекрасном, и трепет листьев, и безмолвие воды.

Огромный красный шар солнца скрывался за дальним лесом за окраиной города, и на землю опускались синие сумерки.

Одинцов собирался уже уходить, когда ему вдруг показалось, что он не один. Саша быстро обернулся и увидел Боря. Головин с невинным видом стоял совсем рядом, в тельняшке, руки в карманах, с сумочкой через плечо, и, опустив голову, носком ботинка ковырял землю под ногами. Саша улыбнулся. Была у друзей такая игра – подойти незаметно и встать рядом, будто ни в чём не бывало.

– Здравствуй, – сказал Одинцов, поднимаясь с травы.

Боря молча тиснул ему руку. Саша отдёргнул ладонь и стал растирать её – уж слишком крепким оказалось рукопожатие друга.

Головин слегка улыбнулся.

– Ну, ну, силач, – шутя погрозил Саша, – ишь, отъел шею.

Он с некоторой завистью оглядел коренастую фигуру Борьку, его широкие плечи, руки, загорелые до черноты, сильные мышцы, при каждом движении бугрящиеся под тельняшкой.

Одинцов увлёк Боря с собой, и друзья медленно пошли по берегу озера.

– Давай, рассказывай, – улыбаясь, потребовал Саша, – как ты до такой жизни докатился?

Головин помолчал, привычным движением пригладил ладонью свои чёрные смолистые волосы.

– А что рассказывать, – угрюмо сказал он наконец, – работаю, тяну лямку, деньгУ заколачиваю.

– Да, плохи дела, – озабоченно произнёс Саша, – что ж

ты так?

– Знаешь, – продолжал Боря, – надоело всё, – он говорил быстро, торопливо, словно спешил выговориться перед другом. – Всё осточертело. Сегодня не ходил на работу. Будут ругать – ну и пусть. Придёшь в цех, а тебе: сбегай туда, сбегай сюда, принеси то, принеси это. Как мальчик на побегушках.

Он замолчал, огорченно махнул рукой:

– Да пропади, все пропадом!

Чтобы нарушить неловкое молчание, Одинцов рассказал о себе:

– А я теперь работаю на автозаводе. Токарем.

– Знаю, – ответил Боря, – Толя успел рассказать. И как работенка? Нравится?

– Да так, ничего, работать можно. Но я мечтал о другом. Всё-таки любимая работа должна быть несколько другой, не такой.

– Ха! – любимая работа! – усмехнулся Борис. – Сказал тоже! А я вот от многих слышал, что такой вообще нет или она там, где зарплата побольше и премиальные повесомей и где вкалывать нужно поменьше. Что ты на это скажешь? Разве не так?

– Нет, нет, – горячо возразил Саша, – они совершенно не правы. Да и сам ты не веришь в эти слова, – убежденно сказал он.

– Ладно, – кивнул Борис, – я согласен с тобой – деньги – не самое главное в жизни. Но согласись и ты – любой чело-

век, устраиваясь на завод, или фабрику, или другое предприятие, первым делом интересуется, где, в каких условиях ему придётся работать, ему хочется узнать, в какие часы принимают хирург и зубной врач, как готовят в заводской столовой, далеко ли до булочной. В конечном счете, это та же самая материальная заинтересованность...

Саша нетерпеливым жестом прервал речь друга:

– Да, да, конечно. Но всё же, что не говори, работа должна быть на первом месте. И она должна быть непременно любимой. Иначе это будет не работа, а подневольный труд. И кому она принесет пользу? Человеку? Сомневаюсь. Государству? Вряд ли. Быть может, на другом месте, на другом предприятии он был бы гораздо полезнее.

– Ты так думаешь?

– Да. Я уверен в этом!

– Не знаю, может быть, ты и прав, – пожал плечами Головин, – но вот ведь какое дело – слушаю. я твои слова и вспоминаю нашего Платоныча, есть у нас на станции техобслуживания такой занятный мужичок. Прекрасный человек Платоныч! Все его любят, все его уважают, Немного прижимист – но кто из вас не без греха? Попросишь помочь – с удовольствием поможет. Правда, при этом не раз напомним: «Дашь на дашь», «Ты мне, я тебе». Но зато сколько анекдотов знает Платоныч! – любого рассмешит. А главное – он у нас – профессионал своего дела, мужик – «золотые руки». Для него в машине нет никаких секретов. Одно странно, скажешь ты,

работает Платоныч «от и до», от звонка до звонка. Конечно, бывает иногда он и остаётся на сверхурочную работу. Но только в том случае, если пахнет длинным рублём. Кончается смена, и не узнать Платоныча – профессорские очки, не костюм, а смокинг, туфли иностранного посланника, в руках дипломат, кто теперь Платоныч? Профессор, да что там профессор – академик!

Так вот, он сам признаётся: «Работа это работа, а жизнь это жизнь, и не стоит путать эти философские понятия!» Что ты на это скажешь, Саша?

– А ничего не скажу. Мне просто жаль твоего знакомого. Половина жизни проходит для него бесследно и бесполезно. Да и не верится мне, что он совсем уж не думает о своей работе. Человек не может достигнуть мастерства, не любя своей профессии. Работа обязательно должна быть любимой, я так считаю. Чтобы человек шёл на свой завод, на своё предприятие с удовольствием, с ожиданием встречи с новым, незнакомым, неизведанным. Работа должна приносить радость и никогда не надоедать ему. Если ты и дома продолжаешь думать о ней, и тебе приятно о ней думать, то значит ты любишь свою работу, значит ты не сшибся в выборе своей профессии. Работать там, где тебе не нравится, всё равно, что жениться без любви, по расчёту.

Борис улыбнулся;

– Ты прямо поэт... А сам-то, сам любишь свою работу?

– Да что я? – сразу сник Одинцов, – я попал на завод

по вынужденным обстоятельствам.

– То-то же. А говоришь – любимая работа. У каждого человека свои обстоятельства, он не может идти куда ему хочется. Ведь никто не хочет быть грузчиком или дворником, но приходится, коли нужда заставит. Да и государство не может обойтись без этих профессий.

– Постой, постой, – вновь не стерпел Саша, – пройдёт несколько лет, и эти трудные «неблагородные» профессии в том смысле, в котором мы их себе представляем, отомрут, исчезнут. Ведь исчезла же профессия землекопа с появлением бульдозеров и экскаваторов. У грузчиков и дворников тоже появилось немало машин-помощников. И ещё: недавно я смотрел программу «Время», рассказывали о лучшем дворнике Киева, делегате 19 съезда ВЛКСМ. Это уже кое о чём значит! А в будущем тяжёлый ручной труд вообще исчезнет.

– Так-то в будущем, – скептически произнес Борис.

Саша нахмурился, но ничего не мог сказать в ответ и замолчал.

Настало то время суток, когда на землю опустились сумерки, всё вокруг теряло свои очертания, сливалось, становилось неясным. Вечер зажег крохотные огоньки в окнах домов, кое-где горели маленькие, но яркие светлячки уличных фонарей.

На набережной ребятам стали встречаться гуляющие влюблённые. Когда одна такая обнявшаяся парочка прошла около них, Одинцов, лукаво улыбнувшись, спросил друга:

– А как у тебя с Танькой? Всё ругаетесь?

Боря огорченно наморщил лоб.

– Да так, что лучше и не вспоминать, – с досадой махнул он рукой.

Саша вопросительно смотрел на Головина.

– Что так?

– Поссорились мы, – коротко объяснил Борис.

– Ну, что там у вас, выкладывай, – потребовал Саша. – Может быть, вам помочь чем-нибудь?

– Ничем тут не поможешь. А говорить-то и нечего. Таньку не поймешь – то говори, то молчи, то приходи, то уходи. В-общем, мы окончательно разругались, и я ушёл от неё. Как говорится в песне, «и разошлись как в море корабли».

– О, загадочная женская душа! – рассмеялся Саша. – Любишь, так терпи.

Боря вспыхнул:

– Да кому нужна такая любовь?!

Одинцов ничего не ответил, он задумчиво смотрел на светлые блики, пробегающие по мрачным водам озера.

Борис взгляделся в лицо другу – не смеется ли? – и продолжил, тяжело ворочая словами:

– Это может, раньше так было – Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Дездемона... Нет, в наше время настоящей любви нет, – горько заключил он.

– Нет, – горячо возразил Саша, – совершенно с тобой не согласен. Ты не прав.

– Может быть, и есть счастливые пары, – спокойно согласился Борис, – может быть, и есть. Одна на тысячу или на десять тысяч несчастливых. Слышал о данных статистики? – каждая третья семья разводится. А сколько ещё несчастных семей живёт на грани развода? Многие же просто привыкают друг к другу, считая, что так и должно быть.

– Не жениться ли ты собрался? – Одинцов на вид был невозмутим, но глаза его смеялись:

– А что, хорошая идея. Татьяна составила бы тебе неплохую партию. Немного рановато для тебя, но ведь восемнадцать тебе исполнилось? По закону вполне имеешь право.

Головин не принял шутки.

– Эх, только растравил память... Таня, Таня, Танечка, – повторил он, а когда Саша положил руку на его плечо, добавил с тоскою в голосе:

– Выпить бы.

Одинцов шутя ударил его в грудь, вскочил на парапет, громко продекламировал, выставив правую ногу и отчаянно жестикулируя рукой:

– Выпьем с горя; где же кружка?

Сердцу будет веселей.

Боря встрепенулся.

– У меня же есть кое-что... Кружки не обещаю, но...

Он снял с плеча сумочку, достал из неё небольшую фигурную бутылку вина с яркой этикеткой.

– О! – с усмешкой произнес Одинцов – он знал о пристрастии Бори к различным сортам вина. В коллекции Головина было уже несколько десятков сортов.

Боря провёл рукой по бутылке с какой-то странной нежностью, глаза его заблестели.

Саша молчал,

– Будешь пить? – предложил Борис.

– Нет, – категорически отказался Саша и в упор посмотрел на друга, – и тебе не советую, не доведет это тебя до добра. Пора кончать, слышишь?

– Пить будешь? – глухо повторил Борис.

– Нет! – твёрдо отказался Саша.

– Тогда... тогда и я не буду, – озорная улыбка скользнула по лицу Бориса, и эта улыбка рассеяла неловкость, возникшую, было, между друзьями.

До позднего вечера они бродили по опустошим улицам. Вспоминали свои школьные годы, детские шалости: первые открытия, радости и огорчения.

– Помнишь, – захлебываясь, смеялся Боря, – мы увлеклись с тобой морской романтикой? Кругосветные путешествия, паруса, клад пиратов. А как-то так долго засиделись над книжкой о морских узлах, что даже опоздали в школу,

– Помню, – подхватывал Одинцов. – Прибежали в школу, а там уже минут десять идут уроки. А у нас алгебра. Страху-то! Анна Николаевна спрашивает нас, глядя сердитыми глазами поверх очков: «Почему опоздали?»

– А ты таким жалобным тоненьким голоском отвечаешь: «Зачитались». Весь класс чуть со смеху не помер.

– Это что! Потом-то что было, помнишь? Анна Николаевна поворчала, поругала малость и разрешила сесть на свои места. Ты повернулся, а у тебя из кармана тянется длиннючая верёвка, которой мы вязали морские узлы. Вот смеху-то было! Я думал от хохота стёкла повывлетают. И только тогда я понял, почему на нас оглядывались прохожие, когда мы бежали в школу.

Боря ничуть не смутился:

– Да, интересно мы жили. Сейчас проучиться бы ещё год. Лучше, в девятом классе – экзаменов нет и ты уже взрослый.

– Да хоть и в десятом, – мечтательно вздохнул Одинцов.

Так, беседуя и вспоминая весёлые истории, друзья дошли до сашиноного дома. И тут Одинцов призвался Боре в том, в чём раньше он никому не признавался:

– Знаешь, Борька, – сказал он доверительно, – у меня есть одна мечта, может быть, она покажется тебе и наивной, не знаю. Я хочу купить маме золотую брошь. Как-то летом мы совершенно случайно зашли в «Кристалл», и я не мог не заметить, как понравилась ей эта брошка – золотая стрекоза. У мамы никогда не было таких украшений, все заработанные деньги она тратила на меня – чтобы купить велосипед, магнитофон, хорошие костюмы и даже краски, в конце концов. Поэтому я решил накопить денег и купить маме эту красивую брошь. У меня уже есть немного – помнишь,

мы ходили на станцию разгружать вагоны с кирпичом, Мама об этом ничего не знала.

– Так ты из-за этого не поступал в институт, – воскликнул пораженный Борис.

– Почему из-за этого? Вовсе нет. Мне уже семнадцать лет, и мне хочется быстрее определиться в жизни и помогать маме. Хватит того, что она столько лет отдала мне и не видела ничего хорошего, может, из-за этого она и заболела, – Саша низко опустил голову.

– Это ты уж слишком. Выше голову, – подбодрил его Голловин.

Борис проводил друга до подъезда, они попрощались и разошлись в разные стороны. Но через минуту-две, как только Саша успел подняться к себе, он услышал громкий прерывистый свист – борькин условный сигнал – и вышел на балкон.

Да, это был Боря. Увидев Одинцова, он крикнул:

– Саня! А может тебе всё-таки поступать в институт? Я бы достал тебе денег.

– Не надо! – резко ответил Саша,

– Чудак, что же ты обижаешься? Дал бы взаймы, а потом ты их вернул бы.

Саша был тронут словами друга.

– Нет, вправду не надо. И вообще, хватит разговоров о деньгах. Да и поздно уже. Студенты начинают занятия.

– А может, поработаем на станции? Если ходить туда каж-

дое воскресенье, то на двоих мы получим довольно приличную сумму. Пока, на первых порах этого хватит, а потом придумаем ещё что-нибудь. Где наша не пропадала!

Саша на мгновение задумался, но тут же торопливо сказал в ответ на предложение друга:

– Нет, теперь уже ничего не надо.

– Тогда бывай! – Борис махнул ему на прощание рукой и скрылся в темноте.

Подождав немного, Саша крикнул:

– Боря!

– Что ещё? – донесся издалека нарочито недовольный голос.

– Спасибо тебе.

Саша почувствовал невидимую улыбку своего друга, услышал, как тот негромко рассмеялся:

– Ешь на здоровье!

Смена подходила к концу. Весь день Сапа крутился возле станка, смотрел, как работает Сергей, его наставник, набирался, так сказать, опыта. Саша уже облазил весь цех, потрогал каждый станок, а если рядом никого не было, нажимал на разноцветные кнопки и двигал рычагами.

Но скоро это надоело, и он опять вернулся к Сергею. А цех продолжал жить обычной трудовой жизнью. Рабочий день кончался, многие рабочие завершали сменное задание, а рыжий парень в углу цеха чуть ли не полчаса томился, лениво обметая щёткой свое рабочее место.

Но Сергей продолжал работать. Перед ним лежало ещё несколько заготовок – как всегда, он приготовил их больше плана. Сергей ловко брал заготовку сильными, загорелыми руками, закрепляя её, быстро подводил к ней резец и включал подачу. С заготовки будто сама, извиваясь, сходила светло-желтая змейка стружки. Сергей в надвинутой на лоб кепке внимательно наблюдал за ней, иногда поправляя её куском проволоки, и стружка ложилась точно туда, куда ей и следовало ложиться.

И вообще, у этого токаря всё получалось на удивление быстро и красиво. Вот он в определенный момент, известный только ему, мягко отвел резец от заготовки, остановил станок, вмиг снял готовую деталь. Потом приложил к ней

штангенциркуль, улыбнулся – ювелирная точность, второго прохода не требуется. Бросив деталь в кучу таких же готовых блестящих деталей, Сергей принялся за другую заготовку,

«Вот так вот целый день», – невесело подумал Одинцов. Серега работает, а он смотрит. Работенка! Полмесяца прошло, а он почти и не стоял за станком.

Наконец, Саша не выдержал,

– Сергей, а Сергей!

– Что? – отозвался Сергей, не отводя взгляда от заготовки.

– Почему стружка всегда разная по цвету? И по виду особенно? Сегодня она похожа на спираль, вчера откалывалась кусочками, а позавчера...

Сергей досадливо поморщился.

– Понимаешь, это зависит от условий обработки, – объяснил он, – от скорости, подачи, от обрабатываемого материала. Вчера мы точили бронзовые детали – получалась стружка надлома, а сегодня мягкая сталь – сливная стружка.

Саша ждал, но Сергей больше ничего не добавил, и он не удержался, задал ещё один вопрос:

– А что, разве бывает мягкая сталь?

– Бывает, – отмахнулся Сергей, – Слушай, Саня, иди-ка ты отсюда, не мешай.

Одинцов обиделся, торопливо отошел в сторону. К нему подошёл рыжий парень из-за соседнего станка. Они стали вместе смотреть, как Сергей обрабатывает последнюю заготовку. И вот токарь остановил станок, повернулся к ним ли-

цом.

– Вот и всё! – сказал он довольно, – Финита ля комедия. Рыжий парень мотнул головой.

– Быстро ты!

– Класс! – осклабился Сергей. Заметив обиженный недовольный вид Саши, он похлопал его по плечу:

– Ладно, не дуйся. Нельзя отвлекать во время работы, не маленький, сам знаешь.

– Я и не дуюсь, – буркнул Саша, а Сергей продолжил:

– Зайди в заводскую библиотеку. Ещё не побывал там? Нет? На втором этаже управления. Спросишь книгу о токарных станках. В книге всё прекрасно написано – и о резцах, и о стружке, и о мягкой стали.

Саша хмуро кивнул головой.

Сергей бережно собрал инструмент, аккуратно сложил в свой шкафчик и, захлопнув дверцу, минут пять возился с ключом. Замок долго не поддавался, Сергей сердито бил кулаком по дверце. Но вот, наконец, шкафчик глухо, со скрипом закрылся.

– Вот так, – удовлетворенно произнес наставник и, повернувшись вновь к Саше, вручил ему щётку:

– А пока почисть немного наш станок.

Сашу покорило от слова «наш», но он промолчал и, вздохнув, принялся за своё обычное дело.

После душа, не заходя в столовую, Саша отправился в библиотеку. Долго стоял перед чёрной кожаной дверью, по-

чему-то робея открыть её. Наконец набрался смелости и постучался.

– Войдите! – слышался звонкий девичий голосок.

Открыв дверь, Саша очутился в большой полутемной комнате со множеством стеллажей, набитых книгами. Никого нет.

Он растерянно остановился посреди комнаты и недоуменно оглянулся.

– Одну минуточку, – опять слышался тот же голосок, и вскоре за стойкой появилась невысокая кудрявая девушка.

Она стояла у окна, лучи далекого заката падали на неё сбоку, играли на её щеках, мягкой полутенью очерчивали тонкие правильные черты её лица, и от этого девушка казалась необычайно красивой, какой-то таинственной, загадочной.

Саша не мог отвести от неё восхищенного взгляда.

Девушка тряхнула кудрями и вопросительно взглянула на парня.

– Здравствуйте, – произнес он пересохшими губами.

– Здравствуйте. Из какого цеха?

Продолжая смотреть на девушку, Саша подошёл к стойке. – Я... я не записан у вас. Мне бы что-нибудь о токарных станках.

А пока девушка-библиотекарь заполняла формуляр, Саша разглядывал её. Обычно ему не нравилось, когда девушки излишне красятся, пользуются помадами и всевозможны-

ми кремами, но таинственная незнакомка так умело использовала все возможности косметики, что он не мог не любоваться её красотой.

– Распишитесь, – она протянула ему формуляр, крохотными капельками краснел лак на ногтях её длинных белых пальцев. Саша расписался и, отдавая девушке авторучку, коснулся её руки. У него испуганно затрепетало сердце.

– Значит, вам нужен учебник по токарному делу? – библиотекарша словно видела, что творится с Сашей, и насмешливо улыбалась, – одну минуточку.

Видимо, нужная, книга находилась высоко на полке. Девушка-библиотекарь принесла подставку, встала на неё и принялась выбирать книги. Подол её короткого платья слегка приподнялся, оголяя красивые стройные ноги.

Саша потупил взгляд, чувствуя, как громко бьется его сердце.

– Ах! – неожиданно вскрикнула девушка. Книги разлетелись по полу, а сама девушка конечно же упала бы, если бы Саша не успел подхватить её. Он держал её в своих объятиях, будто онемев, и не знал, как ему поступать дальше. Он думал, что всё бы отдал, чтобы только вот так держать на руках эту прекрасную незнакомку. От неё веяло ароматом духов. О, как кружит голову этот чудесных залах! Горящим взглядом Саша глядел в лицо незнакомке, чувствуя, что не может отвести глаз.

А девушка затихла в его руках, сначала испуганно, а по-

том всё смелее смотрела ему в глаза.

– Пусти, – наконец, прошептала она, – надо собрать книги. Они вместе подобрали книги, опустив головы и стараясь не смотреть друг на друга.

Уходя, Саша повернулся и быстро взглянул на девушку. Она встретила его робкий взгляд, встряхнула светлыми кудрями, а когда он остановился, звонко рассмеялась.

Саша почти выбежал из библиотеки. Он быстро промчался через проходную, так сильно толкнул вертушку, что старик вахтёр даже опешил и рассерженно выругался ему вслед:

– Стой! Мать твою...

Но увидев счастливое сияющее его лицо, добродушно усмехнулся и пробормотал себе под нос:

– Молодой ищо, кровь играет. Оно простительно.

Саша шёл домой, а в ушах его звенел смех незнакомки, перед глазами стояло её лицо, глаза, губы. Сердце его билось тревожно, взволнованно, словно в предчувствии чего-то нового, неизвестного, но желанного.

Он шел по улице и бесконечно повторял строки из какого-то женского романа: «Я, кажется, влюбилась, я, кажется, влюбилась». Стайка девчат, проходящих мимо него, так и прыснула со смеху. Саша сделал серьёзное лицо и зашагал быстро, по-деловому. Но его строгий шаг то и дело переходил в замысловатые па, а рот расплывался в улыбке.

В его сердце бушевал пожар.

С этого дня Одинцов больше не обращался к Сергею, не мучил его своими вопросами, не прерывал во время работы и не задерживал в перерывах. Нельзя сказать, что он обиделся, хотя и не мог забыть, как Сергей презрительно отмахивался от него. Просто Саше надоело при каждом вопросе встречать насмешливый взгляд своего «наставника» – как, ты и этого не знаешь? Поэтому он предпочитал только молча наблюдать, а когда возникал трудный вопрос, искал ответ в книгах. Только одно его огорчало – ему почти ни разу не удавалось самостоятельно поработать на станке. Лишь иногда, во время обеденных перерывов, когда токари уходили на отдых, Саша закрепляя на станке какую-нибудь болванку и протачивал её, вспоминая, как это делал Серёга.

Со станка на пол медленно сползала стружка, блестящая переливающаяся поверхность детали радовала глаз. И всё-таки работа на заводе не нравилась Одинцову. Появлялось ощущение, будто он не рабочий, а мальчик на побегушках. Вспомнились слова Бориса «Работенка! Подай то, подай это, сбегай туда, сбегай сюда».

Вот и сегодня – скоро уже перерыв, а Саша всё стоит рядом с Сергеем, смотрит, как он работает, подает ему заготовки.

Наконец, Саша решился.

– Чего не даёшь работать? – прямо сказал он Сергею, когда тот в очередной раз остановил станок.

– Ты чего? – с удивлением спросил Сергей, но увидев, как насупившись, молчит Одинцов, резко отбросил готовую деталь, сунул ему в руки чертёж:

– Давай, работай!

И ушёл. Саша хмуро проводил его взглядом. Потом повернулся к станку. Справа от него оставалось ещё несколько заготовок. Саша взял одну из них, надёжно закрепил в кулачках, штангенциркулем аккуратно снял все размеры, осторожно включил продольную подачу. Резец медленно подошёл к заготовке, завилась тонкая стружа. Несколько раз Саша останавливал станок, штангелем проверял размеры заготовка, чтобы не ошибиться – и вот деталь готова. Саша, волнуясь, остановил станок, взял деталь в руки, ещё раз измерил – всё точно!

Он возликовал. Вот она – его первая деталь! Чистая, блестящая, приятно согревает руки. Саша любовно протер её полый спецовки и положил на шкафчик рядом, но всё же чуть-чуть в стороне от кучи готовых деталей Сергея.

Моя деталь! Саша оглянулся. Странно, всё так же работает цех. Будто ничего не случилось. Только с другой стороны цеха блеснул стеклами очков старик Иван Максимович да сосед – рыжий парень, улыбаясь, махнул рукой.

Саша взглянул ещё раз на СВОЮ деталь, быстро схватил вторую заготовку. Теперь его движения были более уверен-

ными, более точными, более ловкими.

Настало обеденное время, но Одинцов даже не заметил, как опустел цех.

– Ну как ты тут? – Саша вздрогнул от голоса Сергея. Наставник подошёл к шкафчику, мельком взглянул на детали, усмехнулся, увидев отдельную кучку, взял одну из деталей в руки, повертел зачем-то, померил штангенциркулем.

– А ты молоток, – удивлённо оказал он, и при этих словах Саша, хотя и был зол на Сергея, почувствовал, что злость постепенно исчезает.

Сергей небрежно сгрёб все детали в одну кучу.

– На сегодня хватит. Можешь гулять.

Саша продолжал с ожиданием смотреть на своего наставника.

– Ну чего тебе ещё? Иди, отдыхай, – нетерпеливо повторил Сергей.

И снова Саша сник. Опять «подай-принеси», поработал и хватит.

Он уныло пошёл по проходу. На обед в столовую Саша не ходил – зарплату он ещё не поручал, а денег – кот наплакал.

Ему очень хотелось купить новые краски – вечерами он продолжал свои опыты у мольберта, и поэтому сейчас Саша предпочитал немного потерпеть.

В цехе почти никого не осталось. Одна уборщица тётя Катя убирала за токарями, сгребала металлическую стружку

в кучи и стаскивала их в огромный контейнер у ворот цеха. Потом эту стружку спрессуют в небольшие кубики и отправят на переплавку.

Саша видел, как тяжело тащить уборщице по проходу эти огромные кучи стружки; он подбежал к ней.

– Тётя Катя, я помогу вам, – предложил он, надевая рукавицы и хватаясь за стружку.

– Ой, спасибо, сынок, – благодарила его уборщица, – что-то заморилась я сегодня.

Она ласково сказала ему «сынок», и Саша вспомнил мать – только мама называла его таким словом.

Тащить стружку по проходу на самом деле было довольно тяжело. Саша с трудом доволок большой спутавшийся моток и задумался. Его взгляд случайно остановился на пульте подвешенного крана. А что если? Он подошёл к пульту и нажал одну из разноцветных кнопок; обеденный перерыв, рабочих нет, лишь старик Максимыч возится у своего станка – может, и не заметит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.